

— Человеческую природу не изменить. Тебе вообще не стоило тратить на него время.

Лин Чжоу появился здесь уже давно. На самом деле он не мог позволить Ань Ину оставаться наедине с Хань Мином слишком долго, а потому, пренебрегая обычными дорогами, просто переместил бутылку с напитком сквозь пространство. И благодаря этому слышал почти каждое слово из того, что Хань Мин сказал напоследок.

Вот только Лин Чжоу не думал, что эти речи помогут дипломату.

Природа людей слишком упряма. Будь то врожденный талант, характер, происхождение или что-то еще — у большинства судьба предрешена с самого рождения. Хань Мину не стоило надеяться на Ань Ина.

Хань Мин замер с бутылкой у губ, стоило Лин Чжоу произнести первое слово. К концу его речи он и вовсе перестал пить.

Покачивая в руке почти полную бутылку, он с едва заметной усмешкой поднял взгляд на мужчину:

— Так ты у нас фаталист? Считаешь, что едва человек появляется на свет, его судьба уже предрешена? Раз родился таким, то и плыви по течению?

Лин Чжоу открыл было рот, но, натолкнувшись на прищуренные, смеющиеся глаза Хань Мина, смолк. Тот улыбался, однако чутье подсказывало: скажи он сейчас хоть слово, юноша снова вспылит. А злить его не хотелось.

В итоге Лин Чжоу лишь спросил:

—... Будешь еще пить?

Хань Мин даже притворно улыбаться не стал. Он молча завинтил крышку.

— Нет. Новинка слишком кислая, только аппетит портить.

Хань Мин мысленно усмехнулся. Он распинался перед ним столько времени, а Воля Вселенной не усвоила ни слова. Этот упрямец по-прежнему считал: раз Хань Мин пробудил талант «Ниже лишь одного», значит, ему суждено вечно оставаться на вторых ролях?

Что ж, пускай. Он не мог указывать Лин Чжоу, о чем думать, но и Лин Чжоу не имел власти над его поступками.

А эту дрянь пусть пьет кто угодно.

Пока Хань Мин возвращался к тренировкам, Ань Ин, потерпевший сокрушительное фиаско, и не думал сдаваться. Он лихорадочно просчитывал шансы. Что, если применить «Очарование» на Лин Чжоу?

Официально у Лин Чжоу значился талант «Равновесие». В чем именно он заключался, дипломат не знал, но, судя по повадкам мужчины, способность явно относилась к боевым. А у бойцов, как правило, сопротивляемость к ментальным воздействиям была слабой.

В силе Лин Чжоу точно уступал Восточному владыке, да и стойкостью Хань Мина вряд ли обладал. Ань Ин пришел к выводу, что затея вполне может выгореть.

Да и в случае провала он ничем не рисковал.

В тренировочном зале Ань Ин растерялся и не смог трезво оценить обстановку. Но теперь, прокручивая в голове слова Хань Мина и сопоставляя их с его настойчивыми попытками развить чужой дар, он укрепился в догадке: Хань Мин знает его истинный талант.

Знает, но не выдает. Значит, видит в нем пользу.

Каковы бы ни были планы молодого господина, пока в Восточном королевском дворце нет другого обладателя «Очарования», Ань Ин оставался в безопасности. По крайней мере до тех пор, пока от него не потребуют сделать обещанное.

Лин Чжоу же дышал к Хань Мину столь неровно, что никогда не посмеет поднять руку на того, кем дорожит его кумир, сколько бы ярости в нем ни клокотало.

Разобравшись с этим, дипломат решил действовать. Под предлогом сверхурочной работы он остался во дворце до глубокой ночи.

Днем подступиться к Лин Чжоу было нереально: тот следовал за Хань Мином как привязанный, не оставляя ни единого шанса для маневра. Подобраться к нему можно было лишь ночью, когда Хань Мин отправлялся спать в боковой зал.

Дождавшись глухой темноты, Ань Ин бросил взгляд в окно и направился напрямик к крыше бокового зала — отсюда он приметил одинокий силуэт на самом краю кровли.

Что Лин Чжоу делал там посреди ночи? Ответ лежал на поверхности: именно на верхнем этаже бокового зала располагались покои Хань Мина.

Днем стеречь, ночью — когда не пускают в спальню — караулить на крыше... Даже искушенный в любовных делах дипломат находил такую одержимость пугающей.

Разве нормальный человек способен выдержать подобное безумие? Если «Очарование» сработает, не превратится ли его собственная жизнь в круглосуточный кошмар под этим неусыпным надзором?

Ань Ин невольно замедлил шаг.

Однако стоило ему подняться на крышу и увидеть Лин Чжоу, замершего у самого края под куполом звездного неба, как все сомнения улетучились.

В зыбком лунном свете сквозь холодную маску проступила дикая, магнетическая притягательность. Это была тайна в чистом виде — непостижимая, опасная и манящая.

В обычные дни из-за вечной ледяной отстраненности Лин Чжоу его породистое, безупречное лицо оставалось незамеченным. Но сейчас мягкие сумерки сгладили резкие черты, сделав эту мужскую красоту почти осязаемой.

«Быть под защитой такого мужчины... не такая уж плохая перспектива», — промелькнуло в голове дипломата.

Ань Ин осторожно двинулся вперед. Боковой зал взмывал ввысь на сотни метров. Лин Чжоу мог спокойно сидеть на самом краю бездны, зная, что его телу не повредит и падение с орбиты, но Ань Ин такой прочностью похвастаться не мог. Сворачивать шею раньше времени в его планы не входило.

Подождав, пока между ними останется от силы пара метров, он учел прошлые ошибки. Никаких лишних слов, никаких навязчивых взглядов глаза в глаза. Он просто выкрутил собственное «Обаяние» на максимум и мягко активировал «Очарование».

В ту же секунду железные пальцы в черной тактической перчатке сомкнулись на его горле. Прежде чем Ань Ин успел хоть что-то осознать, его тело взмыло в воздух и повисло над разверзнувшейся бездной.

Вытяни Лин Чжоу руку еще на пару сантиметров, и дипломату пришлось бы лично проверить, насколько прочны его кости при встрече с гранитом мостовой.

В таком положении даже самый неисправимый оптимист не решился бы заявить об успешном соблазнении.

Но у Ань Ина оставался запасной план.

— Погоди... — прохрипел он, отчаянно пытаясь разжать чужие пальцы. — Я просто... увидел, что ты не спишь, и решил здороваться. Не слишком ли горячий прием?..

Поняв, что Лин Чжоу не намерен играть в вежливость, дипломат бросил глупые попытки оправдаться. Кое-как выдавив улыбку, он выложил последний козырь:

— В конце концов, ты правда решишься сбросить меня? Сам Хань Мин пальцем меня не тронул.

И это сработало. На каменном лице Лин Чжоу наконец отразилась тень эмоций.

Он впервые за ночь удостоил Ань Ина прямого взгляда и произнес тихим, ровным голосом слова, смысл которых ускользнул от дипломата:

— Мне казалось, я и так предельно вежлив с людьми.

Будучи Волей Вселенной, Лин Чжоу относился ко всем живым существам одинаково беспристрастно. Исключением был лишь один-единственный человек. Хотя, если признать честно, из всех рас и видов именно к людям он испытывал некое исключительное предпочтение.

Поэтому, с кем бы ему ни приходилось иметь дело, он старался блюсти рамки приличий.

Но сейчас этот напускной политес трещал по швам. Да и хранить его больше не хотелось.

Лин Чжоу долго терпел, пока этот жалкий дипломат увивался вокруг Хань Мина. Терпел, когда тот посмел применить свое «Очарование» на молодом господине. Но прийти теперь сюда и прикрываться его именем...

Какая наглость.

Лин Чжоу никогда не нападал на людей первым. Но сейчас он отчетливо, почти физически ощутил ледяную жажду убийства. И все же сжал волю в кулак.

Не из-за своего долга беспристрастного наблюдателя. Просто Хань Мин этого не одобрит.

Если даже ничтожный дипломат понял, насколько ценен его дар для их планов, Лин Чжоу и подавно это осознавал. Он уже догадался, что Хань Мин планирует использовать «Очарование» на пойманных звездных зверях, чтобы те вывели их напрямик к гнездам на границе секторов.

Убей он Ань Ина сейчас, и Хань Мин придет в ярость.

А этого допускать нельзя.

Ань Ин не понимал, о чем думает его противник, лишь уловил странность в его словах. Угрожающий блеск золотых глаз пугал до дрожи, но, убедившись, что Лин Чжоу медлит,

дипломат взял себя в руки и решил сменить тактику:

— Ты ведь понимаешь, чего я хочу. Я всего лишь пытаюсь заставить Хань Мина покинуть Восточный сектор. Тебе ведь тоже претит мысль оставаться здесь.

И это не было пустой болтовней.

Он давно заметил взаимную неприязнь между Лин Чжоу и Восточным владыкой Дун Яо. Было очевидно, что ни молодой господин, ни его молчаливый страж не чувствуют себя здесь дома. С такой безумной ревностью Лин Чжоу точно не потерпел бы Хань Мина в одном секторе с Дун Яо.

Аргументы дипломата шились белыми нитками, но вывод оказался на удивление точным. Лин Чжоу действительно жаждал увезти Хань Мина из Восточного сектора. Эта земля не подходила ему.

Заметив легкое колебание, Ань Ин воодушевился и поспешил закрепить успех:

— С талантами Хань Мина даже безумный деспот Западного сектора Си Цзинь с радостью распахнет перед ним двери дворца. Если вам обоим здесь не рады, к чему эти мучения?

Он тактично умолчал о том, что главным источником этих самых мучений в последнее время был он сам.

— Он ведь твоя драгоценная, бережно хранимая роза, — продолжал вкрадчиво нашептывать дипломат. — А розам нужна правильная почва, чтобы цвести.

— Он не роза.

—... Что? — Ань Ин осекся на полуслове.

Все заготовленные доводы мигом вылетели у него из головы. При чем тут роза? Разве его пламенная речь была об этом?!

Лин Чжоу было плевать на ухищрения дипломата и на его мотивы. Он просто констатировал очевидный факт:

— Он не роза. Он — Звезда.

Когда-то он и сам лелеял надежду вырастить послушный цветок, но Хань Мин отказался им стать. Все, что осталось Лин Чжоу от той глупой затеи — израненные шипами ладони.

И все же, даже лишенный мягких лепестков, Хань Мин оставался его Звездой — единственной

и неповторимой.

Упрямым небесным телом, которое вращалось по собственной траектории и раз за разом отказывалось подчиняться чужому притяжению.

Вселенная полна мириад светил. Лин Чжоу ведал рождением и угасанием каждого из них, но что в том толку? Он до сих пор не понимал, как обнять ту единственную звезду, к которой стремилось все его существо.

Грудь сдавило странным, незнакомым чувством. Лин Чжоу не умел давать имена подобным эмоциям, а потому просто отмахнулся от них.

Он опустил холодный взгляд на притихшего дипломата:

— Не смей приближаться к нему. Не трогай мою Звезду.

Дипломат всегда догадывался, насколько опасен этот человек. Но непомерные амбиции затмили разум, толкая на безумный риск.

Лишь столкнувшись лицом к лицу с золотом его глаз, Ань Ин осознал масштаб своей глупости. На дне этих зрачков плескалась безжизненная, первобытная жестокость — холодная и пустая, как космический вакуум.

У людей не бывает таких глаз.

И в следующую секунду дипломату показалось, будто этот золотой блеск стал ярче, вспыхнув чистым, неземным сиянием.

«Его талант — „Равновесие“, но кто сказал, что он не соврал при регистрации?» — пронеслась паническая мысль.

Какого черта у этого безумца светятся глаза? Он что, наложил на него проклятие? Днем у Хань Мина ведь тоже вспыхнул взгляд... Неужели это двойной сглаз?!

Охваченный суеверным ужасом, Ань Ин не посмел издать ни звука. Стоило мертвой хватке ослабнуть, как он кубарем скатился с крыши и бросился прочь.

На самом же деле золото в глазах Лин Чжоу вспыхнуло по вполне прозаичной причине. Он почувствовал, что Хань Мин засыпает, и отправил ему мысленное пожелание доброй ночи.